

А. М. Мезенко (Витебск)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ УРБАНОНИМОВ

Е. С. Отин – признанный авторитет в области русской и украинской ономастики – стремится видеть в конкретных ономастических фактах общие тенденции развития языка. При этом исследования ученого могут быть использованы не только языковедами, но и литературоведами и всеми теми, кто интересуется жизнью имен собственных, их образованием, функционированием.

Современная ономастическая наука отличается поисками новых аспектов исследования, углублённым изучением классических ее областей, разработкой проблем, находящихся на пограничье с лингвокультурологией, антропологией, социолингвистикой, этнолингвистикой, когнитивистикой и др. Ономастике начала XXI в., как и лингвистике в целом, свойствен своеобразный сдвиг интересов с изучения внутренних закономерностей онимной системы на изучение функционирования имен собственных как одних из важнейших элементов коммуникации. Именно в функционировании познается сущность языка.

Цель данной работы заключается в определении новых аспектов исследования названий внутригородских объектов.

В языке все направлено на осуществление общения – неперменного условия взаимодействия людей в процессе различных видов их деятельности. Онимы же – это и условие, и средство коммуникации.

Ономастическое пространство занимает довольно значительное место как в общей системе языковой картины мира, так и в личных представлениях о составе и функционировании окружающей среды, которые воплощаются в лексических единицах и сохраняются во внутренних структурах человеческого мышления. Ономастическая система – достаточно сложный механизм, который включает семантически и функционально

✱ 80-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА ✱

различные единицы, поскольку имена собственные называют широкий круг разнообразных субъектов, объектов, понятий. Бесспорным является тот факт, что одно из важных мест в составе любого ономастического инструментария по праву принадлежит урбанонимам. Урбанонимикон – это явление языковой системы, ощущающее на себе разностороннее воздействие не только современных языковых процессов, но и демонстрирующее отпечатки различных исторических изменений, происходивших в лексической системе вообще и в урбанонимной подсистеме в частности. Урбанонимия, представляющая собой зону пересечения разных секторов лексического пространства в языковой картине мира, не только проприального, но и апеллятивного, – важная языковая и историко-культурная составляющая, аккумулирующая и транслирующая информацию от одного поколения к другому.

Несмотря на то, что в целом собственные имена, в том числе урбанонимы – названия внутригородских географических объектов, – и нарицательные (или апеллятивные) противоплагаются как называющие и обозначающие, информативные и коммуникативные, первые из них, в особенности их совокупности, или онимные тексты, помимо информативной, могут выполнять и коммуникативные функции. При этом, в отличие от нормального акта коммуникации, предполагающего как минимум двух участников – говорящего (пишущего) и слушающего (читающего), которые в процессе речи могут меняться ролями, пользование урбанонимным текстом последующих поколений результатами номинационной деятельности предшествующих не всегда предполагает такой обмен: предшественники посылают свой урбанонимный текст последующим поколениям, и этот текст есть не только основная единица коммуникации, но и носитель и транслятор мыслей его создателей, их духовного мира, продукт той исторической эпохи. В этом и заключается *функция хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры* – одна из слагаемых базовой коммуникативной функции языка.

Единицы урбанонимного текста способны выполнять также и другие коммуникативные функции.

Во-первых, *функцию воспроизведения* запечатленного и сохраненного в названии местоположения внутригородского объекта по отношению к другому значимому объекту (например, *годоним ул. Немига* в Минске воспроизводит запечатленное в нем расположение этого объекта по отношению к реке Немиге, некогда протекавшей невдалеке от города, а ныне заключенной в трубу; восстановленное в Витебске название *Покровская*

ул. воспроизводит запечатленное в нем местоположение относительно некогда существовавшей Покровской церкви, в направлении которой этот линейный объект вел, и т. п.).

Во-вторых, *функцию сообщения* о каких-либо событиях или людях, которым первоначально принадлежала земля, где возведен или проложен определенный объект, или жизнь которых связана с данным населенным пунктом. Так, например, названия ул. *Победы* в городах Городок, Сенно и городских поселках Бегомль, Лиозно, Освея, Россоны Витебской области сообщают о победе в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.; существовавший в XIX в. в Витебске агороним *Сенная пл.* заключал в себе сообщение о торговле на этой площади сеном; *Выгонная ул.*, зафиксированная в начале XX в. в городах Речица, Витебск, содержит сообщение о том, что по улице выгоняли стадо на пастбище.

Урбанонимы, как и другие разряды онимов, даже в изолированном употреблении выступают носителями культурной информации. Поэтому в конкретных коммуникативных ситуациях они попутно передают и отношение к действительности, и отношение к ее содержанию. Используясь в высказывании, имена внутригородских объектов наполняются содержанием, которое включает все знания коммуникантов о называемом объекте и субъективное отношение к референту, обусловленное определенной лингвокультурной традицией.

В-третьих, *функцию обобщения информации* и представления устойчивых общественных знаний о мире путем соотнесения их с жизненным опытом. Чаще всего это наименования метафорического характера типа *пер. Штаны* (было дано линейному объекту в Витебске в 1838 г., по форме напоминавшему названный предмет одежды). Названия в таких случаях переносятся, как правило, с предметов бытового обихода, частей человеческого тела или тела животных. Например, *Стаканом* именуют здание общежития в Витебске, напоминающее по форме этот предмет; *Кляксой* называют дом, выкрашенный в синий цвет, и т. п.

В-четвертых, *оценочную функцию*, находящую выражение в названиях, возникших в результате опосредованной образной номинации и отражающих связь внутригородского объекта с выражением личных оценок номинатора. Особенно часто такую функцию выполняли внутригородские названия в начале прошлого века преимущественно в городах западной зоны Беларуси. Например, *Вечным* назывался *переулок* в г. Волковыск (1913 г.), который вел к кладбищу; *Веселая улица* зарегистрирована в начале XX в. в Минске, Орше, Пинске, в настоящее время существует в 23 на-

селенных пунктах Брестской области; *Доброй (Добрым)* именуется улицы (*переулки*) в г. Кобрин, г. Пинск, д. Пинковичи, Чемерин Пинского района Брестской области; в урбанонимиконе Бреста находим *Приветливую ул.* и *Сердечную ул.* и т. п.

Данная функция, как правило, сопровождает предыдущую, поскольку при опосредованной образной номинации внутригородских объектов топонимы, агоронимы, хоронимы нередко отражают внутренние отличительные признаки улиц, площадей, частей города через их метафорическое осмысление.

В-пятых, *отсылочную функцию*. В этой функции урбанонимы не только называют внутригородской объект, но и отсылают воображаемого слушающего или читающего к другим географическим объектам (городам, странам, рекам, озерам, горам, зданиям в пределах данного населенного пункта и др.) или лицам, названия и фамилии которых стали основой номинации внутригородских объектов. Например, топоним *улица Нарбута* в г. Браслав не только называет конкретный линейный объект, но и отсылает слушающего или читающего к фамилии Станислава Нарбута (1853-1926), потомка государственных деятелей Великого Княжества Литовского, сына Теодора Нарбута, врача, жившего и похороненного в Браславе, на Замковой горе, где ему поставлен памятник, и т. п.

Таким образом, то, насколько урбаноним адекватен духу, присущему той эпохе, в которой он появился, настолько полнее он выполняет различные коммуникативные функции, свидетельствует о богатых возможностях отражения мировоззрения и традиций номинаторов в названиях внутригородских объектов.

Коренные преобразования в политике, экономике, науке, массовой культуре и других сферах государственного устройства, связанные с распадом СССР, вызвали существенные изменения в ономастике. Обусловлены они действием как внешних, так и внутренних факторов, среди которых новый речевой “вкус”, быстрое развитие международных контактов, воздействие средств массовой информации, действие законов аналогии, ассиметричности и т. п.

Именно поэтому в начале XXI в. ономастика начала рассматриваться в связи с культурной антропологией, межкультурной коммуникацией, культурологией и другими дисциплинами. В ней широко разрабатываются самые разнообразные аспекты, отдельное место среди которых принадлежит лингвокультурологическому, направляющему исследователей на выявление способов фиксации и отражения культуры в именах собственных.

Выявить особенности отражения ментальной сферы представителей конкретного этноса в именах собственных, исследовать и описать базовый культурный пласт представляется возможным с помощью понятия *код культуры*, которое до конца пока не установилось. Необходимо иметь в виду, что различные исследователи выделяют различное количество кодов культуры и по-разному их называют. В наше время можно встретить такие названия кодов, как *анатомический, соматический, зооморфный, растительный, предметный, гастрономический, аксиологический, дендрологический, пространственный, временной, биоморфный, духовный, персонажный* и др.

Среди разных дефиниций этого понятия нам ближе определение, данное В.В.Красных: “Код культуры разумеется как сетка, которую культура “набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и “кодируют” [2, с. 232]. Коды культуры построены на символизации действительности. Одним из языковых репрезентаторов различных кодов культуры и является урбанонимия.

Приступая к исследованию названий внутригородских объектов, необходимо подчеркнуть, что, строго учитывая эпоху, конкретные исторические события, социальный статус, положение людей, фамилии которых превращаются в названия линейных, пространственных или точечных объектов, в обществе, урбанонимия сдержанна и избирательна в отборе имен собственных. Это только кажется, что выбор имен для внутригородских объектов произвольный. Имена собственные существуют в обществе и для общества, которое и диктует их выбор.

Анализ внутригородских названий населенного пункта свидетельствует о том, что в урбанонимии периферийного города, в отличие от центрального, реализуются преимущественно четыре кода культуры – *антропоморфный, социально-идеологический, ландшафтный и флористический*.

Наиболее часто при номинации линейных объектов жители периферийного города обращаются к *антропоморфному коду*, который объективируется при помощи антропонимных топонимов: *ул. Адамовича, ул. Кутузова, ул. Нахимова, пер. Проскурова* и др. При этом обычно антропонимы, ставшие базой для создания урбанонимов, являются прецедентными именами (далее ПИ). Использование прецедентного имени в качестве имени-символа – один из возможных вариантов функциониро-

вания самого ПИ в системе внутригородских названий. Интресно, что в урбанонимии задействованы ПИ, выполняющие функцию символа в том случае, если неаобходима апелляция и к прецедентной ситуации (ср.: ул. Гагарина, ул. Грицевца, ул. Матросова, ул. Гастелло, ул. Заслонова, ул. Калиновского, ул. Чапаева и др.), и к прецедентному тексту (ул. Гоголя, ул. Маяковского, ул. Некрасова и др.). Из всех возможных антропонимных формул в урбанонимии периферийного города используются только три: фамилия (ул. Ломоносова), личное имя + фамилия (ул. Франциска Скорины), личное имя + псевдоним (ул. Янки Купалы).

Именно данный код очень активно эксплицируется при помощи внутригородских названий. Но если жители крупных городов все же при номинации внутригородских объектов отдают предпочтение топоморфному коду, но население периферийного города – анализируемому. Антропофорфный код превалирует в мировоззрении жителей небольших городов, городских поселков и деревень при назывании улиц, переулков, площадей. Так, например, он задействован при номинации 41,2% названий линейных объектов исследуемого г.Ганцевичи Брестской области. Для сравнения в Варшаве на долю отантропонимных приходится 23,7% урбанонимов.

Известно, что имена собственные имеют высокую частоту использования в различных текстах. Количественными характеристиками они в первую очередь отличаются от апеллативов. Различную степень имеет фреквентативность каждого из внутригородских названий и в урбанонимном тексте. Несмотря на активное использование антропоморфного кода в номинационном процессе, частотность названий, образованных в соответствии с ним, варьирует. Так, тринадцать названий линейных объектов встречаются в урбанонимиконах от одного до десяти населенных пунктов (далее н. п.) Брестской области. Например, ул. Сидоровича и ул. / пер. Проскурова зарегистрированы только в г. Ганцевичи, ул. Орловского – в г. Ганцевичи и г. Ляховичи, ул. Нахимова, ул. Ушакова – в г. Ганцевичи и г. Барановичи, ул. Грицевца, ул. Чайковского – в 4 н. п., ул. Чехова – в 8 н. п., ул. Калиновского, ул. / пер. Кутузова – в 10 н. п.; десять названий встречается в 12-20 н.п.: ул. Ломоносова, ул. Некрасова, ул. Максима Богдановича, ул. Фрунзе, ул. Толстого, ул. Лермонтова, ул. Гоголя, ул. Гастелло, ул. Маяковского, ул. Франциска Скорины. Отдельные из названий повторяются в 25-38 н.п.: ул. Заслонова, ул. Суворова, ул. Калинина, ул. Дзержинского, ул. Чапаева, ул. Максима Горького, ул. Якуба Коласа, ул. Янки Купалы. И только одно из названий, отвечающее антропоморфно-

му коду, – ул. *Гагарина* – существует в 83 н.п. области. Из этого следует, что из всех прецедентных имен жители Брестской области отдают предпочтение имени планетарно изветного человека и национально-прецедентным именам.

На второй позиции в мировоззрении жителей небольших населенных пунктов находится так называемый *социальный код*. Выразителями его являются внутригородские названия, основой номинации которых стали символы эпохи, характеристика со стороны социальной принадлежности лиц как представителей определенной общности людей. На долю таких единиц приходится 20,62% от общего количества внутригородских названий г. Ганцевичи. В их состав входят 20 названий улиц и переулков: ул. *Строителей*, *Коммунистическая ул.*, *Комсомольская ул.*, ул. *Космонавтов*, *Октябрьская ул.*, *Октябрьская пл.*, *Молодежная ул.*, ул. *Монтажников*, *Мелиоративная ул.*, *Партизанская ул.*, ул. *Победы*, *Пионерская ул.*, *Трудовая ул.*, *Революционная ул.*, *Революционный пер.*, *Советская ул.*, *Спортивная ул.*, *Красноармейская ул.*, ул. *Энергетиков*, *Юбилейная ул.*

У разных единиц этой группы неодинаковая степень частотности в областной урбанонимии и виконимии. Чаще других повторяются в разных населенных пунктах названия *Советская ул.* (зарегистрировано в 148 н. п.), *Молодежная ул.* (136 н. п.).

Названия, отвечающие *флористическому* и *ландшафтному* кодам культуры почти в четыре раза уступают урбанонимам, соотносительным с антропоморфным, и в два раза – с социальным кодами. В урбанонимиконе г. Ганцевичи им принадлежит по 11,35% названий.

Флористический (или *ботанический*) код культуры эксплицируется при помощи названий, указывающих на характер растительности или на отдельные виды растительности. По мере снижения частотности в урбанонимии и виконимии области названия составят следующий ряд: *Садовая ул. / Садовый пер.* (138 н.п.), *Лесная ул. / Лесной пер.* (117 н.п.), *Вишневая ул.* (51 н.п.), *Парковая ул. / Парковый пер.* (38 н.п.), *Цветочная ул.* (28 н.п.), *Сосновая ул. / Сосновый пер.* (23 н.п.), *Березовая ул.* (15 н.п.). Из отдельных видов растительности символической значимостью для жителей Ганцевичей обладают *вишня* и *береза*, последняя из которых в мифопоэтической модели мира “выступает как дерево-охранник и медиатор между миром живых и миром мертвых; символизирует женское начало и именно потому стала определяющим атрибутом ряда праздничных ритуально-обрядовых комплексов, основными участниками которых были девушки

предбрачного возраста” [1, с. 56], особенно на Брестчине. В целом же для жителей Брестчины, судя по количеству населенных пунктов, в которых существуют линейные объекты с такими названиями, более значимыми пространственными ориентирами являются *сад* и *лес*. Лес, как известно, играет одну из главных ролей в структурировании сказочного эпического пространства. Такая же роль принадлежит ему в урбанонимии и виконимии. Эта роль выявляется, в частности, в том, что названная основа, как и основа *сад-*, – одна из самых распространенных при образовании урбанонимов и виконимов не только на Брестчине, но и на всей территории Беларуси. Например, на Витебщине в 160 н.п. существуют 189 *Лесных улиц* и *Лесных переулков*. Не намного меньше и названий, образованных от лексемы *сад*, которая символизирует собой образ “пространства миниатюрного мира, орошаемого проточной водой как символом благодати” (кстати, с садом у белорусов, особенно на Полесье, связаны многочисленные поверья) [1, с. 446]. Нельзя не согласиться с мнением В.В.Красных, что “между кодами культуры нет и не может быть жестких границ” [3, с. 234]. Со стороны окультурации человеком окружающей среды *флористический код* “накладывается” на *ландшафтный* (возможно, наоборот).

Ландшафтный код очень тяжело отделить от *пространственного*. Если выразителями первого являются названия, характеризующие внутригородские и внутрисельские объекты со стороны их физико-географических особенностей (*Луговая ул., Полевая ул., Полевой пер., Песочная ул.*), то второй репрезентирует номинационные единицы, содержащие характеристику объекта со стороны особенностей размещения его в пространстве, конфигурации, размера: *Узкий пер., Короткий пер., Западная ул., Западный пер., Набережная ул., Южный пер., Центральная ул.* и подобн. Эти коды нередко наслаиваются друг на друга, свидетельствуя об определенном членении пространства. При этом если названия, представляющие ландшафтный код, имеют приблизительно одинаковое распространение в урбанонимии и виконимии анализируемой области (около 100 н. п.), что легко объясняется приблизительно одинаковыми ландшафтными особенностями изучаемой территории, то количественные показатели “обслуживателя” второго из них очень неравные. Так, самое распространенное название, отвечающее пространственному коду, – *Центральная ул.* – на территории Брестчины повторяется в 112 н. п. (для сравнения в Витебской области 437 линейных объектов в 417 н. п. носят такое название). Как видим, не только на юго-западе, но

и на северо-востоке страны белорусы отдают предпочтение при членении пространства центру. Что же касается остальных единиц, принадлежащих пространственному коду, то *Набережная ул.* зарегистрирована в 82 н. п., *Южная ул.* – в 52 н. п., *Западная ул. / Западный пер.* – в 38 н. п.

Топоморфный код связан с названиями другого объекта (архитектурного, в том числе культового, учебного, лечебного, спортивного учреждения, промышленного предприятия, городской службы и т. д.), относительно которого осуществляется номинация линейного. В г. Ганцевичи это только пять единиц, которые составляют 5,15% от общего количества урбанонимов, среди которых самое распространенное на территории области название *Школьный пер. / Школьная ул.* (зарегистрированы в 150 н. п.). Сам факт низкого воплощения этого кода – одна из отличительных примет периферийного урбанонимикона: в небольшом городе не так много значительных архитектурных строений, учебных, лечебных и других учреждений, которые могли бы стать основой номинации улиц, переулков и площадей.

Темпоральный, или временной, код, который проявляется в отношениях человека ко времени, также не нашел широкого воплощения в периферийном урбанонимиконе. На долю этих названий приходится такой же процент, как и на предшествующие, – 5,15%. Название *Новая ул.*, приблизительно указывающее на время существования линейного объекта, даже при отсутствии *Старой ул.* своей предпосылкой имеет наличие старых, ранее проложенных. Условно с этим кодом можно связать и урбанонимы, включающие в свой состав фиксацию определенного времени – даты (в Ганцевичах это *ул. 17 Сентября, ул. 60 лет Октября, ул. 8 Марта, Первомайская ул.*) и превращающиеся в своеобразные символы определенных временных отрезков. Например, 17 сентября – просто дата, но в названиях улиц, переулков и площадей Беларуси она символизирует временной период объединенного существования Западной и Восточной частей республики, начавшийся 17 сентября 1939 г.

Что же касается других кодов культуры, находящихся свое воплощение в урбанонимиконах крупных городов, – *фаунистического, духовного, цветового* [см. 3], – то они в системах небольших городов и сел бывают задействованы очень редко. Как уже отмечалось исследователями, тяжело отдельно описать *духовный код*, потому что “на него фактически “работают” все названные коды... Этот код от начала аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру”

[2, с. 256]. Главными экспликаторами его в урбанонимии и виконимии, наравне с топоморфным кодом, являются названия, образованные от наименований мест совершения обряда – храмов, церквей, костелов, часовен и др. (*Свято-Афанасьевская ул., Свято-Никифоровская ул., ул. Серафима Саровского, Татьянанская ул., Успенская ул.* – г. Брест).

Таким образом, в урбанонимии и виконимии как частях языковой действительности количество и степень интенсивности реализации кодов культуры в определенной мере зависит от размера населенного пункта. В центральных и крупных городах может быть задействовано до десяти перечисленных кодов культуры, воплощение которых отличается высокой степенью интенсивности. Периферийный урбанонимикон характеризуется реализацией прежде всего кодов культуры, универсальных для всей системы славянских внутригородских и внутрисельских названий. Отличительной чертой периферийных урбанонимиконов следует признать слабую воплощенность топоморфного, фаунистического и эмоционально-характерологического кодов. Из отдельных элементов окружающего мира при номинации линейных объектов символической значимостью для жителей периферийного белорусского города обладают планетарно- и национально-прецедентные имена, атрибуты советской эпохи, вишня, береза, лес, луг, поле, стороны света, конфигурация, размер объекта.

Результат проведенного анализа свидетельствует о целесообразности использования коммуникативного и лингвокультурологического подходов к исследованию урбанонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
2. Красных, В. В. Этнопсихолінгвістыка і лінгвокультуралогія / В. В. Красных. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. – 284 с.
3. Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» Т. 24(63). – № 2. – Ч. 1. – Симферополь, 2011. – С. 388-393.

